

Обработав рану Ан Чан Цина, Сяо Чжигэ приказал слугам привести кабинет в порядок. Чаша с лапшой, которую Ан Чан Цин выбросил в окно, все еще оставалась на том же месте.

Вошедший слуга слышал звуки переполоха, поэтому не осмеливался поднять глаза или даже громко дышать. Когда он увидел разбитую тарелку с лапшой, мог только посочувствовать Ан Чан Цину. После свадьбы прошел всего лишь второй день, а он уже успел разозлить Ванг Е. Казалось, что его пребывание здесь будет становиться только хуже.

Сяо Чжигэ в сопровождении своего Ван Фэй направлялся в главную комнату.

Комната осталась неизменной с их первой брачной ночи. Красная свеча все еще стояла на столе, а красный матрас, на котором золотом был вышит питон, по-прежнему лежал на кровати. На окне красовалась надпись с пожеланиями счастливой жизни молодоженам, и каждая деталь оформления создавала ощущение, что свадьба еще не закончилась.

В комнате горели благовония, и легкий аромат наполнял воздух.

Глаза Сяо Чжигэ помрачнели, когда он случайно прислонился к спине Ан Чан Цина.

Чан Цин снял свой тяжелый плащ, когда они вошли в комнату, и теперь на нем была только светло-голубая мантия с серебряным поясом, на котором висела нефритовая подвеска в виде двух рыбок, прикрепленная к золотой кисточке с цветочным узором. Пока он шел, лязгающий звук привлек внимание Сяо Чжигэ.

Сяо Чжигэ протянул руку и понял, что талия Ан Чан Цина прекрасно вмещается в одну его ладонь. Как ива – настолько тонкая и хрупкая, что казалось, стоит приложить чуть больше силы и он тут же причинит ему боль.

Сяо Чжигэ подумал, что такого изящного и нежного человека он должен защищать всеми силами и относиться к нему с особой осторожностью.

Когда они вышли из кабинета, была уже ночь. Ан Чан Цин сначала принял ванну, затем переоделся в белоснежно-голубое одеяние и стал ждать, когда Сяо Чжигэ ляжет спать вместе с ним. Он о многом размышлял, находясь в ванной, и все еще не мог понять, почему Сяо Чжигэ отказался заняться с ним любовью в их первую брачную ночь. Но пока он согласен ночевать с Чан Цингом в главной комнате – все в порядке. Подобные вещи нельзя форсировать, и поэтому лучше было позволить событиям идти своим чередом.

Когда Сяо Чжигэ, закончив купаться, вернулся в комнату, то сразу же увидел своего Ван Фэй с распущенными волосами и милой улыбкой на лице. Щебечущим голосом, полным гордости, он сказал:

- Я расстелил кровать.

Вошедший Сяо Чжигэ несколько замялся, прежде чем смог сделать серьезное лицо и спокойно направиться к кровати, сказав:

- Давай ляжем спать пораньше.

Ан Чан Цин не заметил в его поведении ничего странного. Он забрался в постель и лег на ту сторону, что находилась ближе к стене. Похлопав по пустому месту рядом с собой, он поманил Сяо Чжигэ, чтобы тот подошел быстрее, и тихо пробормотал:

- Матрас немного холодный.

Сяо Чжигэ прикоснулся к кровати, и она действительно была холодной, даже рука лежащего на ней мужчины стала прохладной. Он сделал еще один глубокий вдох и лег, обняв Ан Чан Цина.

- Двигайся ближе, я согрею тебя.

Ан Чан Цин на мгновение опешил, но быстро пришел в себя и подчинился, радостно положив холодные руки на грудь Сяо Чжигэ, чтобы согреться.

Этот мужчина тренировался в боевых искусствах ежедневно на протяжении многих лет, поэтому его тело было крепким, мускулистым и излучало тепло. Лежать рядом с ним было все равно что лежать рядом с большим обогревателем. И поскольку Ан Чан Цин упал в пруд, когда был моложе, его руки и ноги всегда были чувствительны к холоду, особенно в зимние месяцы.

На самом деле, Ан Чан Цин поначалу задумывался об этом большом и теплом обогревателе, но он все еще был не столь смел, чтобы бесстыдно наброситься на супруга.

Теперь, когда его муж сам предложил свое тело в качестве грелки, Ан Чан Цин, естественно, принял это без каких-либо колебаний.

Возможно, из-за столь нежного и щепетильного обращения Сяо Чжигэ ранее в кабинете, отстраненность, что была в сердце Ан Чан Цина, рассеялась. Поэтому даже то, что он зарыл свои холодные ноги в ноги супруга, не казалось ему чем-то неприличным.

Сяо Чжигэ не осмеливался крепко обнять Ван Фэй, но Ан Чан Цин был похож на маленького извивающегося ужика, который ерзал и терся о него, заставляя ужесточать свой самоконтроль. Когда все эти трения довели его до предела, Сяо Чжигэ сжал объятя немного сильнее и строго сказал:

- Спи.

Ан Чан Цин, который наслаждался теплом, неохотно сказал «О!» и наконец перестал ерзать.

Сяо Чжигэ тяжело вздохнул, но через некоторое время увидел, что Ван Фэй снова поднял голову и спросил:

- Ванг Е завтра свободен?

- ... - Сяо Чжигэ снова напрягся, опасаясь того, что Ан Чан Цин попросит его о чем-то таком, что станет очередным испытанием для его самоконтроля.

- Завтра в казарме соревнования по боевым искусствам, я должен быть там.

- Зачем?

Ан Чан Цин, услышав его ответ, разочарованно поморщился. Он ответил приглушенным голосом:

- Завтра мой сан чао хуэй мэн*. Поскольку Ванг Е занят, я отправлюсь один, это не так уж и важно.

(Прим.: *Ритуал «возвращение домой», следуя которому новобрачные на третий день после свадьбы посещают семью невесты.)

Сяо Чжигэ замер, до него быстро дошло, что это значило.

Поскольку Ан Чан Цин был мужчиной, а Сяо Чжигэ много лет проводил в казармах, совсем не интересуясь традициями и обычаями, этот ритуал совершенно вылетел у него из головы. Кроме того, управляющий Ван, который должен был сделать необходимые приготовления, предположив, что его господину не нравится Ан Чан Цин, пренебрег этим вопросом.

- Мне очень жаль. Это моя оплошность, - мысль о бедственном положении Ан Чан Цина в поместье Сян вызвала у Сяо Чжигэ чувство вины. Он ненадолго задумался и сказал:

- Завтра утром я отправлю тебя в дом твоей семьи. Когда соревнования закончатся, я приеду, чтобы сопровождать тебя во второй половине дня, хорошо?

Ан Чан Цин не ожидал, что Сяо Чжигэ извинится. Его грусть тут же прошла, и он радостно сказал:

- Хорошо.

После этого они оба крепко уснули.

<http://bllate.org/book/13048/1151667>